

Б. Кантор

**Коллекционирование
минералов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 54
ББК 24
Б11

Б. Кантор
Б11 Коллекционирование минералов / Б. Кантор – М.: Книга по Требованию, 2014. – 189 с.

ISBN 978-5-458-49648-3

В данной книге в общедоступной форме даны практические рекомендации по составлению минералогических коллекций. Описаны методы поиска и сбора коллекционного материала, приемы самостоятельной их диагностики, техника обработки и препарирования образцов. Уделено внимание и принципам коллекционирования и хранению коллекций. Освещены важнейшие этапы истории коллекционирования, показана роль отечественных коллекционеров в создании и пополнении музейных фондов. Для широчайшего круга читателей интересующихся минералогией. Для молодых коллекционеров данная книга должна быть настольной.

ISBN 978-5-458-49648-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

"Красота есть проявление тайных законов природы, которые без ее явления оставались бы для нас навсегда скрытыми."

И.В. Гете

Создавая, открывая в окружающей природе, накапливая в процессе разносторонней деятельности всякого рода ценности, люди невольно становятся и свидетелями их исчезновения. Атрибуты древней материальной культуры погребаются под поздними наслоениями; рассеиваются по свету, истлевают и гибнут старые книги и рукописи; ржавеют и рассыпаются в прах механизмы, некогда слышавшие чудом инженерной мысли. Исчезают редкие растения, животные, минералы.

Эта «энтропия» ценностей идет сама собой, сопровождая всю историю человечества. Но, дорожа открытым и созданным — исторической памятью, — человечество противопоставляет ей сознательную работу по сохранению ценностей, и работу немалую. Так возникают музеи и коллекции. Увлеченность коллекционеров, высокий уровень современного музейного дела, огромный интерес к выставкам — приметы высокоразвитой цивилизации и гуманизированного общества. Отношение к исторической памяти А. С. Пушкин считал мерилom нравственности и просвещенности.

Издавна человечество имеет дело с камнем: строит из него дома, делает различные предметы, выплавляет металлы, растирает камень на краски. Но никогда интерес к камню не был чисто утилитарным: с глубокой древности люди замечали и его красоту. Чувством прекрасного человек наделен недаром: оно прокладывает дорогу жизненно необходимому человечеству познанию, открывает целесообразность и совершенство природы, побуждает брать ее в пример, творить и наслаждаться творчеством...

Интерес к камню естественным образом возник и развился раньше там, где камень был более доступен и разнообразен — в странах Древнего Востока, Египте, на юге Европы. Среди массы природных каменных материалов изредка попадалось нечто такое, что резко выделялось сочными неблекнущими красками, прозрачностью, твердостью и полным безразличием к времени и силам природы, перед которыми сам человек чувствовал себя беспомощным. Живая и наивная его фантазия отметила эти находки суеверной исключительностью, и их стали хранить как драгоценных носителей магической силы. Красота приобретала особый смысл, уже вряд ли в полной мере доступный воображению современного человека.

Шло время, в сферу практической деятельности вовлекалось все больше минералов, и люди старались объяснить их происхождение и свойства. Едва ли когда-нибудь удастся назвать имя первого собирателя минералов. Возможно, это был один из тех ученых-натуралистов эпохи Плиния Старшего (23—79 гг.), которые, почувствовав вкус к дотошным наблюдениям над явлениями природы, решительно перенесли на них свое внимание, оторвавшись от многовековой традиции умозрительности. Что за коллекцию он собирал? Как жаль, что мы не знаем этого; но несомненно, что интересы этого собирателя были бы нам понятны. Тысячелетия назад, как и теперь, красивый камень заставлял остановиться и взглянуть внимательнее.

...Первые коллекции и музейные собрания Европы были немногочисленны и по содержанию тяготели больше к ювелирному, дорогому камню и изделиям камнерезного искусства. Но в XVI—XVII столетиях появляются уже и типично минералогические собрания. Это было связано с быстрым ростом добычи полезных ископаемых, давшим мощный импульс развитию наук о Земле. Закладывая основы минералогии, геологии, горного дела, ученые и инженеры нуждались в образцах минералов, руд, горных пород и как в объектах изучения, и как в наглядных пособиях для обучения будущих специалистов. Интерес к минералам быстро распространялся среди образованной части общества. Крупнейшие минералогические музеи Европы возникли на протяжении XVIII в. на фоне сложившихся традиций коллекционирования и во многом благодаря им.

Несколько иначе складывались дела в России. Разнообразные ювелирные камни на Руси издавна хорошо знали и ценили: этот интернациональный товар веками был предметом обширной торговли, которую русские купцы вели с ближними соседями и дальними странами. На Руси существовала своя высокая культура ювелирного камня, разбирались и в искусстве зарубежных мастеров; обо всем этом немало написано. Что касается коллекционерского движения, то, возникнув позже, чем в Западной Европе, оно вскоре стало играть в России важную роль в силу экономических, политических, культурных особенностей российской истории и привлекло огромное внимание к русским минералам.

Толчком к появлению первых отечественных коллекционеров послужила деятельность Петра I, затеявшего неслыханную ломку экономических и политических устоев русской жизни. Быстро набирая силу, Российское государство испытывало острую потребность в полезных ископаемых. Новая столица на Неве строилась с применением таких материалов, как гранит и мрамор, отнюдь не традиционных для русского зодчества. На Урале и в Сибири быстрыми темпами открывались месторождения руд и самоцветов, которые, по словам А. Е. Ферсмана, «совершенно изменили представления о русском камне». «Горная свобода», объявленная петровским указом 1719 г., привлекла к поискам минералов и руд представителей различных сословий. Любознательный и энергичный, царь Петр сам проявлял интерес к минералам и поощрял его в своих сподвижниках. Его личная коллекция состояла из приобретенного за границей небольшого собрания изделий из камня; вместе с другими своими коллекциями Петр I передал ее в созданный им с просветительскими целями первый государственный музей — Кунсткамеру, опередивший по времени своего основания большинство музеев мира. В 1716 г. к этой первой коллекции было присоединено купленное в Германии собрание М. Готтвальда из 1195 образцов.

С укреплением позиций дворянства в России возникают так называемые дворцовые музеи — собрания произведений искусства, предметов старины и всевозможных «раритетов». Нередко они включали и коллекции минералов. Одна из крупных коллекций, система-

тизированная академиком П. С. Палласом (1741—1811), находилась в петербургском Эрмитаже. Коллекционирование камня, как и минералогические знания, были в моде. Минералогия занимала престижное положение одной из «главных» естественных наук; в России и за рубежом ею увлекались многие именитые аристократы, а коллекционерские интересы нередко теснейшим образом переплетались с интересами научными. Рост горной промышленности вызвал потребность в квалифицированных кадрах. Одаренных русских студентов посылали для обучения в Германию и Швецию — тогдашние мировые центры минералогической науки и горного дела; в университеты России приглашали авторитетных иностранных ученых, и для многих из них Россия стала второй родиной. Возникшие научные связи расширялись и крепились. В России постепенно складывалась собственная минералогическая школа. Появлялись первые научные общества: в 1805 г. — Московское общество испытателей природы (предпринявшее, в частности, первое минералогическое изучение Подмоскovie), в 1817 г. — Петербургское (ныне Всесоюзное) Минералогическое общество. Европейские коллекционеры, заинтересованные в минералах из месторождений России, охотно поддерживали связи с русскими любителями камня. Известна переписка знаменитого немецкого поэта и натуралиста И. В. Гете (1749—1832), коллекция которого насчитывала до 18 тысяч образцов, с русскими аристократами и «прекрасными специалистами минералогии» (по характеристике В. И. Вернадского) В. А. Голицыным, А. Г. Строгановым, А. К. Разумовским, Г. Х. Струве и др.

После Отечественной войны 1812 г. в русском обществе заметно усилились патриотические настроения. Все большим влиянием стали пользоваться коллекционеры, видевшие свою цель в создании музейных собраний национального значения. Таким был известный общественный деятель Н. П. Румянцев, основавший одну из крупнейших в России библиотек и музеев, в Минералогическом кабинете которого хранилось свыше 11 тысяч экспонатов из России, Западной Европы и других частей света. Музей Румянцева был открыт для исследователей, а в 1827 г. передан в дар отечеству. В Русском музее П. Свиньина, просуществовавшем с 1814 по 1834 г., наряду с произведениями изобразительного искусства, отечественными камнями, изделиями из малахита, яшмы, гранита была представлена и коллекция минералов России. С предложением о создании национального музея минералов и изделий промышленности выступал в 1829 г. президент Московского общества сельского хозяйства, московский военный генерал-губернатор Д. В. Голицын.

Коллекционерское движение было частицей того могучего общественного течения, которое принято называть Русским просвещением и которое оказало огромное влияние на культурное и политическое развитие России.

С середины XIX в. и особенно после отмены в 1861 г. крепостного права происходит заметная демократизация коллекционерского дела. Дворцовое коллекционирование постепенно приходит в упа-

док; под влиянием роста промышленности и торговли, бурного развития естественных наук стремление к собирательству все более охватывает средние сословия и представителей разночинной интеллигенции, игравшей выдающуюся роль в общественной жизни. На смену универсальным собраниям приходят специализированные коллекции, объектами которых все чаще становятся предметы отечественного происхождения; растет осознание коллекционерами патриотического значения своей деятельности, стремление к «раскрепощению» коллекций, превращению их в национальное достояние. Активизируются связи коллекционеров с наукой, с крупнейшими русскими минералогами.

Огромное число русских и зарубежных коллекций пополнялось в основном попутной добычей минералов на горнорудных предприятиях. К середине прошлого века в России сложился и специализированный промысел по добыче коллекционного и ювелирного камня. В отдельных случаях заготовкой образцов занимались довольно крупные по тем временам предприятия. Но главными источниками служили небольшие копи Урала и Забайкалья, где возникали целые династии потомственных «горщиков». А. Е. Ферсман, лично знавший многих из таких «фанатиков камня», вспоминал: «Эти местные любители-«горщики»... сыграли огромную роль при поисках месторождений... Нередко у них приходилось видеть поразительную наблюдательность и знание природы при полном отсутствии научных или теоретических знаний».

В середине прошлого века в России появились первые одиночки-краеведы, а после реформы 1861 г. под влиянием экономических потребностей начинается создание «музеев местного края». Краеведение выполняло очень важную роль сбора информации, имевшей большое научное и хозяйственное значение. Кроме того, оно насаждало очаги культуры и патриотизма, способствовало формированию местной интеллигенции, распространению просвещения. Организаторы музеев широко привлекали к сбору коллекций местное население. Часть материала поступала от горнопромышленников и государственных горных управлений. В Сибири и на Урале большую краеведческую работу вели политические ссыльные, среди которых было немало специалистов и ученых.

В целом коллекционерам дореволюционной эпохи принадлежит заметное место в истории отечественной культуры и науки. Неоценима их роль в развитии наших музеев, в прошлом далеко не всегда располагавших собственными средствами. С судьбой многих частных собраний связана история нашего главного национального хранилища минерального фонда — Минералогического музея имени А. Е. Ферсмана Академии наук СССР, ведущего свое начало от тех самых коллекций, что были переданы в Кунсткамеру еще Петром I. В 1747 г. большинство экспонатов Минерального кабинета Кунсткамеры было уничтожено пожаром. Но уже к 1760 г. благодаря энергичным усилиям М. В. Ломоносова и других ученых в музее снова было 5000 образцов, а к 30-м гг. XIX в. объем собрания возрос

до 20 тысяч — в значительной степени за счет пополнения частными коллекциями.

Сюда передали свои личные собрания в разное время возглавлявшие музей В. М. Севергин, В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, В. И. Крыжановский, А. А. Годовиков, другие ученые. В 1907—1917 гг. музей принял крупные коллекции горного инженера В. И. Редикорцева, собравшего материалы по Южному Уралу; ссыльного участника польского восстания К. А. Шишковского, также работавшего на Урале (в его честь назван шишковскиит — бесцветная разновидностьgrossуляра); горного инженера И. Н. Крыжановского; прекрасное собрание П. А. Кочубея, возникшее еще в эпоху дворцовых музеев. В 20-е гг. XX в. в музей были переданы старинная коллекция Строгановых, личные собрания минералогов Д. Юферова, М. А. Толстопятова, Л. И. Крыжановского, горных инженеров Норпе и Иосса, бывшего уральского заводчика И. И. Балашева и др. Богатые сборы дали многочисленные экспедиции 20-30-х гг. Коллекции выросли настолько, что в 1934 г. для переезда музея из Ленинграда в Москву понадобилось 47 железнодорожных вагонов. Пополнение музея личными вкладами продолжается и по сей день, и в его картотеках значится уже более 5000 лиц, передавших сюда свои коллекции или отдельные образцы. Ныне в музее хранится свыше 160 тысяч образцов.

«Научное исследование России в значительной степени зависит от распространения местных собраний и от развития в образованном обществе научного интереса, в этом смысле научное коллекционирование не является простым спортом. Оно всегда дает драгоценные данные для познания естественной истории местности, без него почти немислимо точное решение многих вопросов естественных наук. Только при широком развитии частных собраний могут развиваться и расти в стране публичные научные музеи». Столь высоко оценивал значение коллекционирования наш выдающийся ученый академик Владимир Иванович Вернадский.

В становлении других крупнейших минералогических собраний мира частным коллекциям также принадлежит выдающаяся роль. Так, собрание Британского музея естественной истории было основано в 1753 г. решением английского парламента на базе лучшей для своего времени коллекции, принадлежавшей лейб-медику Слону, и в дальнейшем включило коллекции Гатчета (7000 образцов), Ф. Гревилла (14800 образцов), Ф. Ашкрофта (ценные собрания целолитов), А. Рассела (14000 образцов) и др. Начало музею Высшего горного училища в Париже было положено во время Великой французской революции конфискацией нескольких коллекций роялистов; сюда же попала и коллекция знаменитого химика А. Лавуазье, а впоследствии — превосходные собрания Дедрэ, Адама, Делессера, Бертрана и др.

Писатель И. Л. Андроников отмечал: «Когда мы говорим о коллекционерах, то не должны забывать, что коллекционер — это первая ячейка музея, коллекционеры — актив музея... В большинстве

случаев работа отдельных коллекционеров вливается потом в общую сокровищницу культуры».

Отдавая должное патристическому вкладу коллекционеров, их энтузиазму, любознательности, вкусу, не забудем и о тех, чьим трудом добывались минералы. Эти люди знали и понимали камень, и хотя собственные коллекции были им не по карману, именно их выбор часто решал судьбу будущего экспоната, и этим определялась их роль и личное участие в коллекционерском творчестве.

Подчеркивая лучшие традиции коллекционеров, В. И. Вернадский в 1945 г. писал: «История русских минералогов-любителей XVIII—XIX вв. до сих пор не написана. Среди них были замечательные люди, были сановники и богачи, искатели камней — крестьяне, горные служащие и разночинцы. Ими открыты многие новые минералы, благодаря им сохранены драгоценные и важные тела природы, без них не могли бы составиться наши большие государственные коллекции... К сожалению, сейчас эта огромная и важная научная работа любителей почти замерла в нашей стране. Ее надо всемерно развивать».

Советская власть с первых своих шагов привлекает внимание широкой общественности к изучению минералогических богатств страны. Каждому близок и понятен девиз: «Борьба за недра!». Возникают кружки по изучению полезных ископаемых, проводятся массовые геологические походы, создается прекрасная научно-популярная литература. Стоящие в центре этой деятельности такие наши ученые, как В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, А. К. Болдырев, Н. М. Федоровский, наряду с чисто практическими задачами не упускают из вида и природоохранную работу любителей.

После Великой Отечественной войны, по мере того как залечивались нанесенные войной раны, любительство и коллекционирование возрождались вновь, а с середины 60-х гг. приняли поистине массовый характер. Ныне коллективные и персональные выставки коллекционеров стали заметными событиями культурной жизни. Во многих городах и поселках работают самостоятельные кружки и клубы, читаются лекции, проводятся полевые экскурсии.

Необыкновенно широкий размах приобрело минералогическое любительство и во всех развитых зарубежных странах.

Сегодняшние коллекционеры — это рабочие-горняки и геологи, инженеры и ученые, деятели литературы и искусства, представители множества других профессий. Большинство любителей имеют стаж коллекционирования не менее 10—15 лет. Ими накоплен огромный опыт, сохранен от гибели и распыления ценнейший материал. Из разрозненных, случайных фрагментов творчески создаются ценности непреходящего значения — минералогические коллекции. Собираательство стало массовым видом самостоятельности, тесно связанным с культурными и хозяйственными, природоведческими и природоохранными задачами общества.

На исходе XX столетия мы привычно говорим о «старых минералах Европы», о «старинных русских минералах». Да, попав в сферу деятельности человека, эти вечные творения природы могут оказаться обреченными на короткий век. Давно уж нет розовых топазов, когда-то прославивших маленькую уральскую речку Санарку. И бархатистые малахиты Гумешек мы нынче увидим разве что только в старинных собраниях; давно не существует и сам некогда знаменитый уральский рудник...

Примеров не счесть. Отрабатываются месторождения, и все, что не было вовремя замечено, подобрано, взято на сохранность, — все обречено на неизбежную гибель в камнедробилке или безвестном отвале. Так было, так будет. И все же что-то изменилось, и в самом существенном.

...Вообразим себя в окрестностях Златоуста, в восхитительном уголке южноуральской тайги. Довольно большая яма в лесу, и рядом другая, поменьше, где ныне хозяйничают бурундуки и белки, когда-то хорошо были известны и минералагам, и любителям камня. Здесь находилась Ахматовская копь — типичный для середины прошлого века рудник, и добывали в ней магнитную железную руду. В забоях, теперь уже основательно заплывших почвой, кипела работа: десятки горняков кайлами и кувалдами разделявали породу. Богата была копь и коллекционным материалом. За ним зорко следили, каждый кристаллик граната, везувияна, перовскита брали на заметку, бережно сохраняли. Выражаясь современным языком, сбор минералов велся синхронно с добычей полезного ископаемого. Способствовали этому и низкий темп добычи, и малопроизводительная горная технология: обходились в основном ручным трудом, почти не применяя взрывных зарядов. Не нужно было особой изобретательности, чтобы успеть собрать, что попадалось и заслуживало внимания. Нарядные штуфы расходились по музеям и коллекциям, создавая всемирную славу Ахматовской копи, докатившуюся и до наших дней.

Перенесемся теперь на 300 с лишним километров к юго-востоку, в гигантский современный карьер Сарбайского месторождения. Сегодня здесь тоже добывают магнитный железняк, но в совсем других масштабах: за один только год — миллионы тонн, во много раз больше, чем дала старинная копь за всю свою историю. Разительно непохожа и картина добычи. Забыты кайло и кувалда: раз в неделю или в месяц мощный взрыв в долю секунды дробит столько руды или породы, что ею можно было бы завалить всю копь доверху. Потом экскаваторы проворно погрузят ее в самосвалы по восемьдесят кубометров за один прием; породу отправят на отвал, руду — на камнедробильные устройства, — и все готово для следующего взрыва. При таком темпе добычи и заметить-то минерал не просто, не то чтобы отделить от сотен тонн горной массы. Да и замечать

некому: людей в забоях почти нет, немногочисленный персонал занят управлением горной техникой.

Сбор минералов — работа штучная, кропотливая. Она решительно не вписывается ни в ритм, ни в экономику современной горнодобывающей промышленности и все больше обособляется в отдельный, специальный вид деятельности. Но потребность в ней, подстегиваемая темпами вскрытия недр, быстро растет, и дело не только в исторической памяти: в минералах остро нуждается наука. Минералог, вооруженный все теми же молотком и зубилом, что и сто лет назад, сегодня должен поторапливаться: срок ему отпущен короткий, и все, что он не успел вовремя подобрать, неминуемо будет уничтожено.

Из мелких и частных упущений сложатся потери, можно сказать, эпохальные. И вот уже на наших глазах уходят в прошлое неповторимые халцедоны Подмосковья, куприты, атакмиты, элиты Джезказгана и многое, многое другое.

Много и правильно говорят теперь об экологических проблемах научно-технической революции, но редко упоминают в этой связи о минеральных памятниках природы. А ведь «вечный» минерал беззащитнее фауны и флоры: он всегда один, он исчезает раз и навсегда, его нельзя размножить, как популяцию редкого животного. И по-прежнему для охраны минеральной природы не существует иного способа, как сохранять ценные ее образцы в наших музеях и коллекциях. Решающая роль общественности диктуется самой сутью этой задачи.

Бережное отношение к минеральному фонду постепенно входит в наше сознание. Коллекционер стал больше внимания обращать на внешность минералов, интересоваться их природными формами, строением, образованием. Коллекции стали более «эстетичными» в минералогическом смысле. Однако укоренившийся потребительский взгляд на минералы все еще претендует на монополию. Любитель без труда прочтет, как и что можно сделать из камня, но где ему прочесть о том, как камень сберечь? Дошло до того, что коллекционные минералы официально объявлены «камнесамоцветным сырьем». Не памятники природы, а килограммы и кубометры сырья!

Непонимание целей и сущности минералогического коллекционирования, потребительское отношение к камню за многие годы не могло не обернуться заметной утратой былой культуры коллекционерского дела. Но ведь и с себя любители могли бы спросить больше. Разве нормально, что в минералогической державе, как почтительно именуют нашу страну, коллекционеры из года в год показывают на выставках одни и те же 40—50 минералов — из всего нашего огромного богатства!

Современные масштабы добычи полезных ископаемых широко раскрыли нам недра Земли — и вместе с тем создали условия для быстрой гибели минерального фонда. Поставим нашими дружными усилиями заслон этой угрозе! Чем больше приложим мы к сохра-

нению наших минералов умелых и бережных рук, тем лучше выполним наш долг перед настоящей и будущей наукой и культурой, сохранив пока еще доступные нам драгоценные и важные тела природы, оставив потомкам живые и яркие свидетельства, а не тени воспоминаний.

То, что поражает нас в недрах Земли сегодня, завтра может уйти безвозвратно, став тысячами и полезных, и ненужных вещей, шлаком и дымом доменной печи, трухой старого отвала. Каждый спасенный от гибели минерал — доброе дело.